

Цзицзи, похоже, еще не осознала, что ее приручили, и продолжала вести себя как дикая кошка: делала всё, что вздумается.

Под стать своей внешности, она совершенно не знала приличий и вовсю голосила в объятиях Ши Жосяня.

Эти переливы и интонации до жути напоминали звуки, которые издают люди в моменты высшего физического единения.

Цзицзи широко разевала пасть, с каждым разом крича всё громче и надрывнее.

Казалось, она жаждала, чтобы вся округа знала: столь бурная активность доносится из спальни девятого принца и его супруги.

Ши Жосянь поднял взгляд на Се Моюня — лица обоих залил неестественный румянец.

Воздух накалился от возбужденных криков кошки.

Дыхание Се Моюня стало тяжелым:

— Отдай мне Цзицзи, я вынесу ее наружу.

В глазах Ши Жосяня, полных удивления, промелькнуло нечто похожее на заботу.

Он с трагическим видом воскликнул:

— Раз ты не можешь получить мое тело, нечего зариться на моего дружка! Если уж сам не справляешься, нечего чужим согреваться! Даже если мы братья, это не повод!

Губы Ши Жосяня, и без того персикового оттенка, стали еще ярче, а каждое слово сопровождалось сладким ароматом жемчужной сливы.

В мерцающем полумраке свечей красные полога кровати колыхались от ветра.

Ши Жосянь опустил взгляд на свои бедра:

— Если я ее выпущу, мне ведь тоже станет неловко.

Ши Жосянь, потеряв бдительность от собственного озорства, с торжествующим видом наблюдал, как Се Моюнь смущенно отвернулся.

— Не ожидал, что ты такой, Се Моюнь.

Ши Жосянь, приняв позу героини любовного романа, хрупко прислонился к стене.

Он подумал, что Се Моюнь, вероятно, просто стесняется — ведь такие деликатные проблемы обычно лечат по советам с уличных столбов, и ни один мужчина не захотел бы в этом признаться.

Слои одеял скрывали очертания тела под ними.

Се Моюнь онемел:

— Я...

Глядя на то, как Ши Жосянь погрузился в свои фантазии, Се Моюнь с каменным лицом повторил:

— Дай мне эту кошку по имени Цзицзи, я ее вынесу.

В полумраке силуэт Ши Жосяня выглядел особенно утонченно: опущенные ресницы, поднятые руки, подчеркивающие изгиб талии.

Се Моюнь сдержанно отозвался:

— Не нужно.

Он смущенно поднялся, подняв волну горячего воздуха.

Ши Жосянь, решив, что этот великий герой без любовных линий просто застеснялся, решил его подразнить.

Спустя время Се Моюнь заметил, что на кровати стало тихо, и поднял глаза, что лишь сильнее расстроило его успокаивающееся сердце.

Ши Жосянь нарочно спросил:

— Почему ты не поднимешь голову и не посмотришь на меня?

Задержав полог, Се Моюнь почти в панике бросился к столу.

Он покачал головой, пытаясь убедить себя не думать о лишнем.

Ши Жосянь сухо бросил:

— Здесь голову поднимать не обязательно.

Се Моюнь протянул руку, но кошка, рожденная свободной, не желала подчиняться человеку.

— И правда не нужно?

Се Моюнь, послуживший живой подстилкой, заметно побледнел.

— Ничего страшного, у тебя есть то же, что и у меня. Разница лишь в том, что ты не можешь, а я могу.

— На, держи.

Цзицзи вырвалась, и дело было сделано.

Чем краснее становилось лицо Се Моюня, тем веселее было Ши Жосяню.

Цзицзи с громким мяуканьем прошла когтистыми лапками по нижней части тела Се Моюня и спрыгнула с кровати.

Се Моюнь принялся медитировать, пытаясь привести мысли в порядок.

Через щель в окне кошка юркнула наружу.

Се Моюнь глубоко вдохнул и закрыл глаза:

— Я сказал: отдай мне Цзицзи.

— Ой. — Ши Жосянь тут же сел ровно, приняв невинный вид.

На красном пологе все еще проецировалась тень Ши Жосяня.

Желая сохранить мужское достоинство своего брата, Ши Жосянь, тщательно подобрав слова, спросил:

— Может, выпустить? Я помогу тебе посмотреть?

В глазах Ши Жосяня плясали лукавые искорки, но Се Моюнь никак не мог на него сердиться.

Сквозь полупрозрачный полог была видна фигура Ши Жосяня: он откинул длинные волосы и принялся развязывать ленты на шее.

Се Моюнь пытался писать, но каждая буква выходила нервной и неровной.

Подумать только, когда-то он хотел даровать мне белую шелковую удавку, а теперь я вынужден смотреть, как он смущается до такой степени, что не может поднять головы.

Ши Жосянь, улыбаясь, приближался к нему.

— Я пойду попрактикуюсь в письме, ложись пораньше.

Но стоило его взгляду упасть на кое-что, как настала очередь Ши Жосяня краснеть и безмолвствовать.

Конец.

— Супруг, почему ты выражаешься так грубо? Неужели от лекарств помутилось в голове? К тому же...

Капля чернил сорвалась с кончика кисти и расплылась кляксой на бумаге.

Се Моюнь пришел в себя.

Он посмотрел на страницу, исписанную иероглифом Спокойствие, но когда на душе хаос, даже сто тысяч повторений не помогут.

Се Моюнь хотел подойти к окну, чтобы освежиться, но увидел, как Ши Жосянь приподнял занавеску и просунул голову между красными пологам.

Ши Жосянь прищурил глаза и раздраженно произнес:

— Есть ножницы? Я не могу развязать завязки на нагруднике.

Се Моюнь выполнил просьбу.

Ши Жосянь помахал руками за пологом и понял, что не только не может дотянуться, но и рискует пораниться ножницами.

Он снова приподнял занавеску и посмотрел на Се Моюня:

— Я не достаю, помоги мне разрезать.

Се Моюнь застыл на месте.

Ши Жосянь добавил:

— Впрочем, ладно, жалко портить. Попробуй распутать руками.

Се Моюнь весь одеревенел:

— Если считаешь, что так можно, я попробую.

— Давай, — пожаловался Ши Жосянь. — Я сейчас сжарюсь. Я ведь не настоящая девица, зачем на ночь надевать столько слоев? Только морока одна.

Это напомнило Се Моюню об истине.

Они оба мужчины, и ничего предосудительного произойти не может.

Но сердце все равно сжалось в тугой узел.

Се Моюнь отвел взгляд, боясь смотреть по сторонам, но, касаясь пальцами нежной кожи на плечах Ши Жосяня, он чувствовал, как сильно напрягся.

Ши Жосянь повернул голову:

— Получается развязать?

— Сейчас попробую.

Чем спокойнее вел себя Ши Жосянь, тем грешнее казались Се Моюню собственные мысли.

Се Моюнь помедлил, пытаясь найти тему для разговора, чтобы отвлечься.

— Днем во дворце Цынин, как ты умудрился собрать столько бабочек?

— Хочешь знать?

Се Моюнь ответил коротким звуком.

Ши Жосянь улыбнулся:

— Это секрет, который нельзя разглашать. Если хочешь узнать, покажи свою искренность.

Дыхание Ши Жосяня, теплое, словно перышко, коснулось ладони Се Моюня.

— Чего ты хочешь? — глухо спросил он.

— Те вещи, что купили утром, я хочу еще. Особенно ту жемчужную сливу, хочу два больших мешка.

Ши Жосянь ответил быстро, словно всё было заранее спланировано.

— Хорошо, завтра с утра пошлю людей купить.

Ши Жосянь кивнул.

И наступила тишина.

— А ответ? — спросил Се Моюнь.

— То была искренность за вопрос. Если хочешь ответ, нужна еще искренность.

Вопросы и ответы продавались по отдельности.

Ши Жосянь гордился своей расчетливостью.

— Что еще хочешь? — спросил Се Моюнь.

— Все эти платья такие сложные и жаркие, купи мне что-нибудь легкое и удобное.

— Хорошо, завтра купим.

Ши Жосянь довольно кивнул:

— Ты хотел знать, откуда взялись бабочки... это очень сложно.

Он сделал загадочное лицо:

— Ты знаешь теорему Пифагора?

Поразмыслив, Се Моюнь ответил:

— Нет.

— А кота Шредингера знаешь?

Се Моюнь нахмурился:

— Кто такой Шредингер? Он для тебя так важен?

— Не важно, — загадочно ответил Ши Жосянь. — Ты просто скажи, знаешь или нет.

— Не знаю.

Ши Жосянь развел руками:

— Все дело в них. Раз ты не знаешь, то и объяснять нет смысла.

Се Моюнь задумался:

— Мне кажется, ты меня обманываешь.

— Как я могу тебя обмануть?

Аргументы у Ши Жосяня кончились, но апломб остался. Он сердито отвернулся:

— Не веришь — не надо.

— Ладно, верю.

Се Моюнь спросил снова:

— А как ты уговорил Ци Шияня?

Ши Жосянь вспомнил свой экспромт и до сих пор был в восторге от себя.

Поэтому, когда Се Моюнь снова предложил что-то попросить, Ши Жосянь великодушно отмахнулся:

— Это я тебе подарю.

Се Моюнь внимательно слушал.

— Я сказал ему: Небесные врата скоро закроются, если сестрица-фея не вернется сейчас, то уже не успеет.

Ши Жосянь гордо подбоченился, и выражение его лица гласило: как же я умен!

В поднебесной эта уловка могла сработать только у Ши Жосяня с Ци Шиянем.

И точно так же в поднебесной не нашлось бы больше ни одного мужчины, которому так же подходило бы прозвище сестрица-фея.

После всех этих глупостей луна поднялась высоко.

Жар в телах обоих немного утих.

Се Моюнь отложил кисть, собираясь спать.

Ши Жосянь настороженно посмотрел на него:

— Погоди.

— Что такое? — засомневался Се Моюнь.

Ши Жосянь внимательно осмотрел его, убедился, что всё в порядке, и вскинул подбородок:

— Залезай.

— Что ты там высматривал? — спросил Се Моюнь.

— Боялась, что у тебя опять случится второй подъем.

Ши Жосянь завернулся в одеяло, словно гусеница, и отполз к стене.

— Ты спишь на своей стороне, я — на своей. Спокойной ночи!

Се Моюнь промолчал.

*

На следующее утро.

Нянюшка Шао приказала слугам пораньше принести два подноса с едой, сказав, что это для Ши Жосяня и Се Моюня.

— Это завтрак? — спросил Ши Жосянь.

Слуги покачали головами:

— Время для завтрака еще не пришло.

Се Моюнь открыл крышку.

В его порции был отвар трех черных ингредиентов.

Ши Жосянь прыснул со смеху.

Затем он взял свою порцию, с предвкушением произнес:

— Интересно, что вкусенького приготовили мне?

Когда он открыл крышку, улыбка исчезла с его лица.

В чаше была ледяная груша с сахаром для укрепления легких и смягчения горла.

— Цзицзи, это всё твоих рук дело!

<http://bllate.org/book/19091/1874924>